
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 342/341.01

DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(4).208-219

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Л.А. Терехова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 июня 2022 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2022 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2022 г.

Ключевые слова

Права человека, наднациональные средства защиты, система защиты прав человека, Всеобщая Декларация прав человека, региональные конвенции о защите прав человека, конституционные права, правозащитные структуры, защита прав человека национальными судами, гарантии соблюдения прав человека

Рассматриваются два уровня в механизме защиты прав и свобод человека: национальный и наднациональный, – выявляется эффективный механизм защиты прав человека, способный заменить собой механизм защиты, предоставляемый Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., прекратившей свое действие в отношении граждан Российской Федерации. Среди наднациональных механизмов названы Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., региональные конвенции о защите прав человека. Среди национальных способов рассмотрены деятельность Конституционного Суда РФ по защите конституционных прав граждан, федеральных судей, применяющих процессуальное законодательство, Уполномоченного по правам человека в РФ, Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Общественной палаты. Сделан вывод о том, что имеющиеся национальные и наднациональные механизмы защиты прав человека, не способны в полной мере компенсировать для граждан Российской Федерации утрату возможности обращения с жалобой в Европейский Суд по правам человека.

NATIONAL AND SUPRANATIONAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN CONTEMPORARY CONDITIONS

Lydia A. Terekhova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2022 June 20

Accepted –

2022 September 20

Available online –

2022 December 20

Keywords

Human rights, supranational remedies, human rights protection system, Universal Declaration of Human Rights, regional conventions for the protection of human rights, constitutional rights, human rights structures, protection of human

Subject of the research. The article considers two levels in the mechanism of protection of human rights and freedoms: national and supranational. National includes both judicial and non-judicial methods of protection. The supranational level is represented by universal (global) and regional ways. The purpose of the research is to identify an effective mechanism for the protection of human rights that can replace the mechanism of protection provided by the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, which has ceased to be valid for citizens of the Russian Federation. Research methods are the formal-legal method, analysis, synthesis, formal-logical method.

The main results. Theoretically, a particular citizen can use any of the national and supranational mechanisms for the protection of human rights. However, the nature of their action and the procedure for gaining access to these mechanisms are different, which affects their effectiveness and the readiness of a person to turn to one or another method of protection. Among supranational mechanisms, the Universal Declaration of Human Rights of 1948 has a unique status: on the one hand, this document is “a symbol of the moral consensus of all states, the starting point for the creation of a modern human

rights by national courts, human rights guarantees

rights regime”; on the other hand, it is an act-declaration, the application of which in specific legal relations and the protection of human rights with its help are problematic. The International Covenant on Civil and Political Rights of 12/16/1966 provides for the establishment of a Human Rights Committee that exercises control over the provisions of the Covenant through a system of reports. Reports on measures taken to implement the rights provided for by the Covenant, as well as on non-fulfillment of their obligations under the Covenant by other States Parties, are submitted by States Parties. The mechanism of reports, however, is not reliable enough - there are states that ignore it. Regional Conventions are rightly considered the most effective means of protecting human rights. The implementation of the provisions of the Conventions is ensured by the activities of supranational judicial bodies, to which the applicant can file a complaint. The conditions for applying to such a court, its territorial proximity, the possibility of executing court decisions make this method of protection as accessible as possible. Among the national remedies, first of all, it should be noted the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation to protect the constitutional rights of citizens. The provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Constitution of the Russian Federation in the section on human rights are almost identical, often written in the same phrases. But, despite the number of coincidences in the designation of human rights and freedoms, the main thing is not the designation (this is a declaration) of a specific right or freedom, but how they are applied and what is the practice of their protection (interpretation) by the Constitutional Court at the national level and the Convention on the supranational. It is here that the understanding of “identical” formulations can differ, and the question of who is better: a national or supranational body protects a particular human right, becomes debatable. It should also be remembered about the very meaning of supranational protection as an opportunity to receive protection from one's own state, albeit a subsidiary one. Therefore, it would be wrong to assume that in the absence of the possibility of applying to the ECHR, a citizen will be able to receive protection in the Constitutional Court without prejudice to the outcome of such protection.

Considering that the protection of human rights is, first of all, the activity of national courts of first instance, consideration by the courts of administrative, civil and criminal cases, in cases where it is carried out in full compliance with the norms of procedural legislation, is able to fully ensure the protection of the rights and human freedoms. To do this, the courts have all the necessary tools, you just need the ability and desire to use them.

Among the internal structures for monitoring the observance of human rights, a number of state and public bodies can be distinguished - the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, the Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights, the Public Chamber of the Russian Federation, the police, the prosecutor's office and others. However, it is not possible to attribute them to the effective bodies for the protection of human rights.

Conclusions. The existing national and supranational mechanisms for the protection of human rights, in their effectiveness, are not able to fully compensate for the loss of the opportunity for citizens of the Russian Federation to file a complaint with the European Court of Human Rights.

1. Введение

Механизм защиты прав и свобод человека представляет собой два уровня: национальный и наднациональный. Национальный включает в себя судебные и несудебные способы защиты. Наднациональный – всеобщие (всемирные) и региональные способы. Фактически, конкретный гражданин может использовать любой из указанных механизмов. Од-

нако, характер их действия и порядок получения доступа к этим механизмам различны, что отражается на их эффективности и на готовности человека обращаться к тому или иному способу защиты.

Проблемой настоящего времени для российских граждан является «выпадение» важного элемента в системе защиты прав и свобод человека – Европейской Конвенции о защите прав человека и

основных свобод 1950 г.¹ Поскольку необходимость защиты прав человека никуда не исчезла, следует оценить потенциал и эффективность инструментов защиты, остающихся в распоряжении граждан Российской Федерации.

Система защиты прав человека формировалась постепенно. Права «первого поколения» включают гражданские и политические права, составляющие сейчас ядро большинства договоров о правах человека. «Второе поколение» прав человека обычно обращено к социальным и экономическим проблемам таким как право на труд, право на безопасность, право на достаточный стандарт жизни и право на образование. «Третье поколение» прав может включать концепцию таких прав как право на развитие, право на защиту окружающей среды, право на мир и широкое право на самоопределение [1, с. 359].

Продвижение глобализации изменило концепцию четкого разделения между юрисдикцией государства, основанной на его суверенитете, и того, что за его пределами. Международное право больше не ограничивается межгосударственными отношениями, касающимися таких тем, как территория, война и мир; оно также регулирует правовые отношения, которые до недавнего времени считались подпадающими под исключительную компетенцию государств и их правовые порядки: здравоохранение, экономика, трудовые стандарты, охрана окружающей среды. Развитие международного права привело к включению в него в качестве субъектов физических и юридических лиц [2, с. 41].

Защита прав человека в современном мире не является декларацией, разработаны и действуют многочисленные нормативные акты, созданы механизмы контроля за исполнением положений этих актов.

2. Наднациональный уровень защиты

Принятие после Второй мировой войны большого числа актов, прежде всего Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., провозгласивших права и основные свободы человека как основу современного международного права, произвело подлинную революцию: впервые в истории человек становится «существом универсальным» (*homo universalis*), обладающим международной правосубъектностью, разрывая тем самым оковы, которые приковывали его к «своему» государству. Подобное происходило, пожалуй, в предисторическую эпоху, когда человек разрывал кровные связи со своим родом, племенем,

становясь «человеком государственным», имеющим, наконец, правовое измерение своего бытия [3].

2.1. Всеобщая Декларация прав человека

Всеобщая Декларация прав человека принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (СССР при голосовании воздержался). Декларация считается первым и основным документом в сфере прав человека. Однако, рассчитывать именно на нее при защите своих прав и свобод конкретному гражданину вряд ли удобно.

Декларация предусмотрела следующие права человека: право на жизнь, на личную неприкосновенность (ст. 3); недопущение рабства (ст. 4); недопущение дискриминации (ст. 7) и др.

Среди них универсальный характер приобрело право человека на жизнь. Оно представлено во всех конституциях мира. Чаще всего с него начинается представление прав человека в целом. Без права на жизнь иные права теряют актуальность [4].

Декларация также оговаривает, что ограничения в правах возможны для обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ч. 2 ст. 29).

Права человека, по мнению Р. Спано, в настоящее время проверяются на прочность. Это проявляется в постановке таких вопросов как расширение границ прав человека по сравнению с соответствующими им обязанностями, необходимость поддерживать обязанности, а не права человека. Ключевым моментом в таких спорах должен быть поиск равновесия [5].

В академическом сообществе к Всеобщей Декларации отношение полярное: с одной стороны, как к документу с уникальным статусом символа морального консенсуса всех государств и отправной точке создания современного режима прав человека; а с другой – как к акту, символизирующему политическое установление западными странами своих намерений в отношении международного правопорядка в их понимании [6; 7]. По мнению А.С. Исполинова, Декларация – программный документ, «манифест», отсутствие в ней какого-либо философского обоснования прав человека – сознательный выбор разработчиков. Обязательной силы и механизма принуждения у нее нет [6].

По вопросу о возможности применения Всеобщей Декларации непосредственно национальными

¹ Все упоминаемые в статье нормативные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

судами А.С. Исполинов указывает, что суды смущает именно неясный, расплывчатый характер положений Декларации, поэтому ее применение непоследовательно. Например, в США ее применяют, но все же общий тренд состоит в отказе воспринимать Декларацию как свод норм международного права. Применять ее могут страны, где нормы международного права, включая обычаи, входят в национальный правовой порядок [6]. Учитывая отношение к нормам международного права в РФ, трудно представить себе российского судью, ссылающегося в своем решении на Всеобщую Декларацию. Вряд ли российский гражданин может рассчитывать на защиту своих прав, апеллируя исключительно к данному документу.

Всеобщая Декларация универсальна по содержанию, так как не привязана к какому-либо национальному правовому режиму, она содержит «минимальный каталог» элементарных прав и свобод человека, ставший стандартом, к достижению которого должны стремиться все народы и государства. Благодаря Декларации, а позднее – Европейской Конвенции индивид, сохраняя постоянную правовую связь со своим государством посредством гражданства, приобрел права, закрепленные международно-правовым документом, защищать свои права «через голову государства» в надгосударственных органах [8].

В настоящее время Декларация воспринимается как наиболее общий свод правил, как первый (по времени принятия) документ о правах человека. В Преамбуле Всеобщей Декларации отмечено, что она провозглашает задачи, к выполнению которых должны стремиться все народы и государства. Однако, она не может с той же эффективностью защищать права человека, как региональные системы защиты прав человека – Конвенции приняты в Европе, Америке, Африке, кроме того, созданы суды, присуждающие компенсации за нарушения конвенций о защите прав человека. У Декларации подобного механизма нет.

2.2. Международный Пакт о гражданских и политических правах

Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г.

Пакт предусматривает образование Комитета по правам человека, в который от каждого государства выдвигается не более двух лиц (ст. 28). Все государства обязуются предоставлять доклады о принятых ими мерах по претворению в жизнь прав, признаваемых в Пакте, по требованию Комитета (ст. 40).

Комитет по правам человека осуществляет функции контроля в отношении положений Пакта через систему докладов, представляемых государствами-участниками Пакта, о мерах по реализации прав, предусмотренных Пактом, а также о невыполнении своих обязательств по Пакту другими государствами-участниками. С 2006 г. действует механизм универсального периодического обзора по правам человека [9].

Механизм докладов недостаточно надежен – есть государства, игнорирующие его. Судебного способа защиты (надгосударственного судебного органа) для реализации норм Пакта не предусмотрено. Поэтому осуществляется комплекс мер, предложений по совершенствованию деятельности Комитета по правам человека и стимулированию участников добросовестно выполнять обязанности государства-участника Пакта.

Например, предлагается повысить эффективность деятельности Комитета при помощи составления «черного списка» тех государств-участников Пакта, которые не предоставляют докладов вообще или систематически нарушают сроки предоставления таких докладов Комитету; а также предлагается создать механизм, исключающий возможность избрания в Комитет того государства, которое ненадлежащим образом выполняет обязательства по Пакту [10].

Вряд ли предложенный механизм можно считать эффективным способом защиты прав и свобод конкретного человека, поскольку он имеет в достаточной степени обобщенный и абстрактный характер.

2.3. Региональные Конвенции о защите прав человека

Региональные Конвенции справедливо считаются наиболее эффективным средством защиты прав человека. Исполнение положений Конвенций обеспечивается деятельностью наднациональных судебных органов, в которые заявитель может подать жалобу. Условия обращения в такой суд, его территориальная близость, делают подобный способ защиты максимально доступным. Следует добавить к этому и механизм контроля за выполнением решений наднациональных судов и косвенное влияние на изменение национального законодательства государства-нарушителя.

К числу таких актов, помимо известной в РФ Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., относятся также Американская Конвенция прав человека 1969 г. и Африканская Хартия прав человека и народов 1981 г.

В литературе отмечается, что Африканский Союз демонстрирует приверженность к метаинтеграционному сценарию сближения государств и их правовых систем, во многом повторяя европейский путь сотрудничества государств. Подобный сценарий наблюдается и в Южной Америке, где малые интеграционные процессы поглощаются большим метаинтеграционным процессом в масштабе всего континента и трансформируются в правовую систему Союза южноамериканских наций, которая также создается по европейскому сценарию, опирающемуся на создание единых правовых пространств и единых организационных структур [11].

О.А. Киселева отмечает следующую тенденцию: с одной стороны, в сфере универсального международного права наблюдается сокращение базы источников международного права, с другой стороны, в области региональной международной интеграции, напротив, количество источников международно-правового регулирования увеличивается, а процесс их реализации интенсифицируется. Происходит интенсивный процесс создания и детализации позитивного права международных региональных интеграционных образований, наращивается нормативность. Реализация норм таких международных договоров происходит естественным путем и обеспечивается, в том числе, посредством возможности защиты интересов в международном суде соответствующего интеграционного образования [12, с. 54, 58].

В Европе, действительно, сложилась уникальная ситуация: здесь действуют два эффективных региональных акта: это Хартия основных прав Европейского Союза от 7 декабря 2000 г., применяемая Судом Европейского Союза и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, применяемая Европейским Судом по правам человека. Эффективность их работы общепризнанна и, как уже было отмечено выше, на других континентах европейский опыт берется за основу.

Деятельность Европейского Суда по правам человека также обоснованно рассматривается как «мягкое право». Правовой природой деятельности Европейского Суда предопределено мягко-правовое значение юридической силы его постановлений, практическим инструментарием реализации которой выступает принцип свободы усмотрения [13].

Свобода усмотрения, в свою очередь, связана с возможностью гибкого толкования Конвенции. Изменения в толковании Конвенции получают в литературе различную оценку [14; 15]. Получает распространение и критическое отношение к практике эво-

лютивного толкования Конвенции и такого важного (на наш взгляд, положительного) свойства этого документа как гибкость и возможность меняться с изменениями общественных отношений и времени.

Отечественных юристов зачастую раздражает то, что Европейский Суд считает Конвенцию «живым» инструментом, а «так называемое «эволютивное» толкование искажает смысл того, что сказано в самом тексте нормы или что имели в виду ее создатели. Именно этим свойством оправдывают выработку в российской правовой системе механизма защиты от «произвольных решений» международного суда [16]. Сложно согласиться с такой позицией ввиду обстоятельств ее формирования; сами вопросы толкования Конвенции Европейским Судом изрядно политизированы, а проблемы РФ по конкретным делам выдаются за общие.

Между тем, гибкость толкования и прецедентной практики ЕСПЧ – явление сугубо положительное, позволяющее самой идее прав человека, отраженной в документе прошлого столетия (1950 г.) жить в современных условиях и продолжать развиваться.

А.Р. Султанов правильно заметил, что от устаревания Конвенцию спас именно Европейский Суд по правам человека [17].

Практика ЕСПЧ откликается на изменение общественных отношений, что является проявлением принципа эволютивного толкования Конвенции, например, эволюция подходов наблюдалась к юридическим лицам (юридическое лицо состоит из живых людей и совокупность этих лиц имеет право на компенсацию морального вреда – это в противовес теории юридического лица как фикции); к вопросам окружающей среды или новых технологий. Данные примеры необходимо учитывать прежде, чем упрекать наднациональный орган в том, что в период между заключением международного договора и его толкованием Европейским Судом толкование Конвенции последним изменилось, а государство при заключении договора о присоединении к Конвенции исходило из иного толкования ее норм. Тем более, что существует механизм согласования коллизий национального и наднационального законодательств.

Конвенция, и это закреплено непосредственно в ее тексте, предполагает не только констатацию определенных прав и свобод, но и дальнейшее их развитие. В Преамбуле Конвенции отмечается, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и *одним из средств достижения* (курсив мой. – Л. Т.) этой цели

является защита и *развитие* прав человека и основных свобод.

Как уже было отмечено, благодаря Всеобщей Декларации, а позднее – Европейской Конвенции индивид, сохраняя постоянную правовую связь со своим государством посредством гражданства, приобрел права, закрепленные международно-правовым документом, защищать свои права «через голову государства» в надгосударственных органах [8]. В современной ситуации именно суды, созданные для контроля за выполнением государствами положений региональных конвенций о защите прав человека и основных свобод, рассматривающие жалобы граждан на нарушение таких конвенций, имеющие механизм исполнения своих решений, являются наиболее авторитетным и эффективным способом защиты прав и свобод человека.

3. Национальный уровень защиты

3.1. Конституция Российской Федерации 1993 г.

В Конституции РФ правам и свободам человека и гражданина посвящена гл. 2, а в ч. 1 ст. 55 Конституции закреплено, что перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, Конституция не умаляет и не исключает применения других актов о защите прав человека.

Как отмечает В.М. Жуйков, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры нашли широкое применение в деятельности Конституционного Суда, что также подтверждает их непротиворечивость Конституции. Он также приводит примеры успешного решения судами РФ дел о защите трудовых прав (при существовавших в тот момент пробелах в российском законодательстве) с применением норм международного права: Конвенции МОТ от 28 июня 1930 г. № 29 и ст. 8 Пакта о гражданских и политических правах, где было четко описано, что понимается под принудительным или обязательным трудом. Уже позднее положения о принудительном труде вошли в Трудовой Кодекс РФ 2001 г. [18].

С точки зрения сравнения степени защиты, которые дают Конвенция и Конституция РФ, распространенным подходом становится указывать на то, что положения Конституции РФ о правах человека практически идентичны с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Например, указывается, что Конституция и Европейская Конвенция не просто основыва-

ются на одних и тех же идеях, но и написаны одними и теми же фразами [16].

Действительно, совпадений в обозначении прав и свобод человека, много. Формулировки дословно не совпадают, о том, где они лучше, можно спорить. Но главное, как представляется, не обозначение (это – декларация) конкретного права или свободы, а то, как они применяются и какова практика их защиты Конституционным Судом на национальном уровне и Конвенцией на наднациональном. Бесспорную значимость, таким образом, приобретают толкование норм Конституции РФ Конституционным Судом, и толкование норм Конвенции Европейским Судом по правам человека. И вот здесь понимание «идентичных» формулировок может различаться и вопрос о том, кто лучше: национальный или наднациональный орган осуществляет защиту конкретного права человека становится спорным. Но понятно одно: защита, получаемая от Конституционного Суда не равна защите от наднационального органа и не может ее полностью заменить. Это даже не говоря о самом смысле наднациональной защиты как возможности получить защиту от своего государства, пусть и субсидиарного характера. Поэтому уповать на то, что при отсутствии возможности обращения в ЕСПЧ гражданин сможет получить защиту от КС без ущерба для итога такой защиты, было бы наивным.

Показательный пример «уклонения» Конституционного Суда от острых вопросов приводит М.А. Лихачев. Он критикует КС за недостатки аргументации в его Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3, где, оценивая изменения в ст. 79 и 125 Конституции, КС воздержался от сопоставления предлагаемых поправок с ч. 1 ст. 17 и ч. 3 ст. 46 Конституции и свел аргументацию к следующему указанию: приведенные положения не предполагают отказа РФ от соблюдения самих международных договоров и выполнения своих международных обязательств, сам механизм предназначен для выработки конституционно приемлемого способа исполнения решений международных органов при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции (п. 3.3 Заключения). М.А. Лихачев подчеркивает, что в данном случае речь идет даже не о слабости доводов, а об отсутствии малейшего объяснения при прямом игнорировании конституционных положений, хотя важно понять: как КС РФ в контексте президентских поправок в Основной Закон соотносит отказ от исполнения решения международного правозащитного органа с правом на международную защиту

(ч. 3 ст. 46 Конституции) и с обязанностью государства признавать и гарантировать права человека «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» (ч. 1 ст. 17) [19].

Из приведенного примера усматривается, что КС вряд ли сможет встать на сторону гражданина в его споре с государством.

3.2. О отраслевое процессуальное законодательство Российской Федерации

Рассмотрение судами административных, гражданских и уголовных дел, в случаях, когда оно производится в полном соответствии с нормами процессуального законодательства, способно в полной мере обеспечивать защиту прав и свобод человека. Для этого все необходимые инструменты у судов имеются, необходимо только умение и желание ими пользоваться. Процессуальное законодательство (Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Кодекс административного судопроизводства, Уголовно-процессуальный кодекс) представляют собой каждый образец процессуальной формы рассмотрения дел, данная форма характеризуется системностью и обязательностью. Само по себе следование этой форме позволяет судье не просто правильно рассмотреть дело, но и защитить права каждого участника судопроизводства и, тем самым, уберечь государство от предъявления к нему впоследствии претензий (жалоб) в наднациональные органы в связи с нарушением прав человека.

В частности, развивающееся законодательство и практика административного судопроизводства, могут служить гарантами защиты частных лиц от произвола административных органов и должностных лиц (субъектов, наделенных властью). Кодекс административного судопроизводства (КАС) определяет порядок защиты от незаконных нормативных актов (гл. 21), незаконных действий и решений лиц, наделенных государственными и публичными полномочиями (гл. 22), нарушений избирательных прав (гл. 24), защиту некоторых элементов справедливого судебного разбирательства (гл. 26).

Однако, стать полноценным защитником прав и свобод человека КАС не сможет, поскольку законодатель при формировании административного судопроизводства выбрал не правозащитное, а репрессивное направление. Этому направлению соответствует наличие в КАС большого числа дел, возбуждаемых именно по инициативе публичного субъекта против ответчика – частного лица. Таким образом, нарушена изначальная идея дел, возникающих из

административных (публичных) правоотношений, состоявшая в том, чтобы защиту в суде получала «слабая» сторона – частное лицо в своем споре с «сильной» стороной – государством в лице его органов. В настоящее время КАС все больше смыкается с процессуальными правилами «наказательной» юрисдикции, т. е. Уголовно-процессуальным кодексом и Кодексом об административных правонарушениях. Так, в КАС имеются правила о рассмотрении дел о приостановлении деятельности или ликвидации политических партий и общественных объединений, религиозных организаций, средств массовой информации (гл. 27); депортации граждан (гл. 28), об административном надзоре (гл. 29), принудительной госпитализации (гл. 30) и др. Во всех указанных делах инициатором их рассмотрения выступает именно та «сильная» сторона, от неправомерных действий которой гражданин должен быть защищен. Основания для применения данных репрессивных мер содержатся отнюдь не в КАС, а в специальном законодательстве (например, п. 2 ч. 3 ст. 262 КАС отсылает к установленным федеральным законом основаниям для приостановления деятельности или ликвидации политической партии, религиозной или иной организации, для прекращения деятельности средств массовой информации и т. д.), т. е. суд при рассмотрении дела использует не гражданскую процессуальную форму, которая создала бы возможности равенства сторон, и даже не правила КАС, а именно специальный закон, посвященный, к примеру, средствам массовой информации. У суда, таким образом, развязаны руки для применения репрессивного воздействия. Многочисленные дела против СМИ свидетельствуют о том, что о правах человека при рассмотрении подобных дел суды не вспоминают. В частности, о правах, закрепленных в Конституции РФ – равенство (ст. 19), неприкосновенность частной жизни (ст. 23), неприкосновенность жилища (ст. 25), свобода передвижения (ст. 27), свобода совести (ст. 28), свобода мысли и слова, свобода массовой информации и запрет цензуры (ст. 29), право на объединения в союзы (ст. 30), право на собрания, митинги и демонстрации (ст. 31), защита частной собственности (ст. 35, 36). К сожалению, современные российские суды не свободны от укоренившейся советской привычки – презумпции правоты и непогрешимости государственного органа. Правозащита, напротив, требует иных презумпций, в связи с чем, конечно, рассчитывать на защиту прав и свобод именно судом первой инстанции федеральных судов затруднительно.

Само становление КАС сопровождалось многочисленными спорами о его сущности [20; 21; 22, с. 105; 23, с. 12–13; 24–26]. Можно было бы предположить, что КАС претендует на развитие одного из вида производств, известного гражданскому судопроизводству, – производства по делам из публичных правоотношений, где слабой стороне противостоит публичный субъект, сторона заведомо более сильная. Однако, среди категорий дел, как перенесенных в КАС из Гражданского процессуального кодекса (например, бывшие гл. 28 и 29 ГПК), так и заново введенных, большую часть составляют дела, где слабая сторона выступает именно *ответчиком*. Последнее обстоятельство как раз и может выступить соединительным мостиком с нормами о наказании за совершение административного правонарушения [27, с. 32].

Уголовное судопроизводство, осуществляемое на основании норм УПК, теоретически, могло бы быть гарантией справедливого подхода к участникам уголовного судопроизводства (ст. 49–52 Конституции), а также гарантом соблюдения таких конституционных прав граждан как право на жизнь (ст. 20 Конституции), недопустимость пыток и унижений (ст. 21 Конституции), свобода и личная неприкосновенность, недопустимость произвольных арестов и содержания под стражей (ст. 22 Конституции). Теоретически, эти нормы Конституции РФ должны быть развиты в нормах отраслевого законодательства и должны гарантировать справедливое уголовное судопроизводство. В УПК присутствуют вполне соответствующие духу Конституции РФ и норм международного права положения о неприкосновенности личности (ст. 10 УПК), уважении ее чести и достоинства (ст. 9 УПК), презумпция невиновности (ст. 14 УПК), и много других, включая многочисленные процессуальные возможности индивидуального подхода к сторонам уголовного судопроизводства и соблюдения прав обеих. Но чем при этом объяснить аресты по ненасильственным преступлениям малозначительного характера женщин, имеющих детей? Почему все многочисленные, предусмотренные национальным законодательством гарантии, в уголовном судопроизводстве не срабатывают?

Многочисленные свидетельства, фиксируемые правозащитниками, не позволяют надеяться на то, что права человека будут защищены непосредственно судом первой инстанции при рассмотрении конкретного дела. В этом есть обоснованные сомнения. В.М. Жуйков пишет, в частности, об атмосфере страха и способах давления на судей (как законода-

тельно установленных, так и иных) [28]. Вряд ли обозначенные им проблемы позволят надеяться, что судья будет смел и принципиален при решении вопроса о правах человека. Более того, если раньше федеральные суды действовали с оглядкой на ЕСПЧ, то сейчас подобной опасности для них нет и они могут ориентироваться только на мнение вышестоящих судов своей системы. Даже позиция КС для них не так важна, учитывая, что условия обращения в КС для граждан значительно усложнились: одно только правило исчерпания всех возможностей для обжалования конкретного акта надежно защищает судей от попадания их решений на глаза Конституционного Суда РФ.

Ранее национальные суды были включены вместе с ЕСПЧ в единый механизм: правоотношение, как отмечает А.Р. Султанов, возникающее при реализации охраняемых Конвенцией прав и свобод, может быть окончено вынесением решения национального суда и восстановлением нарушенных прав и свобод, при этом, когда национальные механизмы не сработали, правоотношение продолжается в ЕСПЧ и заканчивается оно лишь тогда, когда субъективное право реализовано и достигнута цель его осуществления [29, с. 11]. Выпадение из этого механизма ключевого звена – возможности обращения в Европейский Суд, создает период неопределенности применительно к проблеме эффективной защиты прав человека и основных свобод в РФ.

3.3. Иные национальные способы защиты

Среди внутренних структур контроля за соблюдением прав человека можно выделить целый ряд государственных и общественных органов – Уполномоченный по правам человека в РФ, Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Общественная палата РФ, полиция, прокуратура и др. [9].

Однако, инструменты указанных лиц и организаций в основном бюрократические (рассмотрение жалоб, составление отчетов о состоянии прав человека за определенный период и т. п.). Что же касается полиции и прокуратуры, то они, по определению, правозащитными структурами не являются и напрасно включены в этот список. Напротив, эти органы должны находиться под контролем правозащитных организаций с точки зрения соблюдения сотрудниками полиции и прокуратуры прав человека.

4. Выводы

Важнейшее свойство системы прав человека – ее динамизм, непрерывающееся развитие системы. Оно происходит в нескольких формах: допол-

нение перечня прав человека, расширение содержания конкретного права человека, повышение правовых и материальных гарантий его реализации. Но перечень прав и свобод остается традиционным, нормативное закрепление новых прав случается редко. Это свидетельствует о консервативности системы прав человека. Значительный регуляторный потенциал заложен в общих формулах прав человека, абстрактность формулировок выступает основой регулирования [30].

Такое живое регулирование осуществляют наднациональные суды, применяя региональные Конвенции о защите прав человека. В ситуации вы-

хода России из Совета Европы и ее отключения от работы с Европейским Судом по правам человека, место Конвенции и ЕСПЧ будет пустовать, заменить эти инструменты невозможно. РФ отказалась от очень эффективного инструмента. Эффективным и удобным этот инструмент был не только для граждан РФ (они, безусловно, потеряли много с его утратой), но и для государства, позволяя реформировать российское законодательство в направлении общего прогресса. В сложившейся ситуации надежда только на то, что сама концепция прав человека все же воспринята российскими судьями и при рассмотрении конкретных дел они будут об этих правах помнить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dixon M. Textbook on International Law / M. Dixon. – 6th ed. – Oxford University Press, 2007. – 372 p.
2. Анисимов В. Ф. Вторжение международного права в национальную правовую систему / В. Ф. Анисимов, Ю. В. Трунцевский // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 40–57. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).40-57.
3. Ковлер А. И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека / А. И. Ковлер // Международное правосудие. – 2019. – № 3. – С. 52–63.
4. Певцова Н. С. Физические аспекты существования человека в отечественном конституционном строительстве / Н. С. Певцова // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 12. – С. 51–57.
5. Спано Р. Какова роль долга, обязанностей и обязательств человека в нашем европейском дискурсе о правах человека? / Р. Спано // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2022. – № 1. – С. 148–153.
6. Исполинов А. С. Правовой статус Всеобщей Декларации прав человека (к 70-летию принятия) / А. С. Исполинов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 4. – С. 100–107.
7. Hoover J. Rereading the Universal Declaration of Human Rights: plurality and contestation, not consensus / J. Hoover // Journal of Human Rights. – 2013. – Vol. 12, № 2. – P. 217–241.
8. Ковлер А. И. Европейская Конвенция в международной системе защиты прав человека : моногр. / А. И. Ковлер. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 304 с.
9. Уваров А. А. Вопросы применения норм международного права по правам человека в России / А. А. Уваров // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 3–6.
10. Панова Е. В. Роль договорных органов в деле поощрения и защиты прав человека (на примере Комитета по правам человека) / Е. В. Панова // Юрист-международник. – 2005. – № 2. – С. 49–54.
11. Безбородов Ю. С. О лоскутной интеграции африканских государств / Ю. С. Безбородов // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 4. – С. 3–6.
12. Киселева О. А. Теоретико-прикладные аспекты взаимодействия международной и национальной правовых систем / О. А. Киселева // Правоприменение. – 2022. Т. 6, № 1. – С. 50–62. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).50-62.
13. Любченко М. Я. Постановления Европейского Суда по правам человека как «мягкое право» (soft law) / М. Я. Любченко // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 3. – С. 256–270.
14. Липкина Н. Н. Толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека и верховенство права / Н. Н. Липкина // Журнал российского права. – 2015. – № 4 (220). – С. 130–142.
15. Ковлер А. И. Эволютивное толкование Европейской Конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права / А. И. Ковлер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 3 (58). – С. 92–100.

16. Гальперин М. Л. Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии / М. Л. Гальперин // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 12. – С. 181–189.
17. Султанов А. Р. 25 лет в Совете Европы и снова дискуссия об обязательности Постановлений ЕСПЧ / А. Р. Султанов // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 6. – С. 154–178.
18. Жуйков В. М. Российское законодательство и международное право: проблемы взаимодействия на основе Конституции Российской Федерации / В. М. Жуйков // Закон. – 2020. – № 3. – С. 115–125.
19. Лихачев М. А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? / М. А. Лихачев // Российский юридический журнал. – 2020. – № 3 (132). – С. 30–44.
20. Боннер А. Т. Предисловие к учебнику по административному судопроизводству, или краткая история российской административной юстиции / А. Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 31–51.
21. Гречкина О. В. Развитие научных идей должно основываться на модернизации современного административного процессуального законодательства / О. В. Гречкина // Административное право и процесс. – 2018. – № 9. – С. 7–10.
22. Громошина Н. А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве / Н. А. Громошина // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 96–112.
23. Грубцова С. П. Правовые презумпции в судебном административном процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. П. Грубцова. – Екатеринбург, 2018. – 30 с.
24. Новиков А. В. Административно-процессуальная форма: научные и правовые реалии / А. В. Новиков // Административное право и процесс. – 2015. – № 11. – С. 70–80.
25. Стариков Ю. Н. Административное судопроизводство и административные процедуры: к системному взаимодействию и надлежащему уровню правовой регламентации / Ю. Н. Стариков // Административное право и процесс. – 2018. – № 3. – С. 7–23.
26. Щепалов С. В. Об усмотрении суда в рамках административной процессуальной формы / С. В. Щепалов // Российская юстиция. – 2015. – № 6. – С. 42–46.
27. Терехова Л. А. Дрейф административного судопроизводства / Л. А. Терехова // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 30–50.
28. Жуйков В. М. О некоторых проблемах принципа независимости судей / В. М. Жуйков // Закон. – 2019. – № 10. – С. 122–136.
29. Султанов А. Р. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации : автореф. ... канд. юрид. наук / А. Р. Султанов. – Казань, 2022. – 34 с.
30. Никитина Е. Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции / Е. Е. Никитина // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 27–44.

REFERENCES

1. Dixon M. *Textbook on International Law*, 6th ed. Oxford, Oxford University Press, 2007. 372 p.
2. Anisimov V.F., Truntsevsky Yu.V. The invasion of international law into the national legal system. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 40–57. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).40-57. (In Russ.).
3. Kovler A.I. "Moral sovereignty" in the face of "state sovereignty" in the European system of human rights protection. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2019, no. 3, pp. 52–63. (In Russ.).
4. Pevtsova N.S. Physical aspects of human existence in domestic constitutional construction. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2021, no. 12, pp. 51–57. (In Russ.).
5. Spano R. What is the role of human duty, duties and obligations in our European discourse on human rights? *Byulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiiskoe izdanie = Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition*, 2022, no. 1, pp. 148–153. (In Russ.).
6. Ispolinov A.S. Legal status of the Universal Declaration of Human Rights (to the 70th anniversary of adoption). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*, 2018, no. 4, pp. 100–107. (In Russ.).
7. Hoover J. Rereading the Universal Declaration of Human Rights: plurality and contestation, not consensus. *Journal of Human Rights*, 2013, vol. 12, no 2, pp. 217–241.

8. Kovler A.I. *European Convention in the international system for the protection of human rights*, Monograph. Moscow, Norma Publ., 2019. 304 p. (In Russ.).
9. Uvarov A.A. Questions of the application of international law on human rights in Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2021, no. 10, pp. 3–6. (In Russ.).
10. Panova E.V. The role of treaty bodies in the promotion and protection of human rights (on the example of the Human Rights Committee). *Yurist-mezhdunarodnik = International Lawyer*, 2005, no. 2, pp. 49–54. (In Russ.).
11. Bezborodov Yu.S. On patchwork integration of African states. *Publichnoe i chastnoe mezhdunarodnoe pravo = Public and private international law*, 2020, no. 4, pp. 3–6. (In Russ.).
12. Kiseleva O.A. Theoretical and applied aspects of interaction between the international and national legal systems. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 50–62. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).50-62. (In Russ.).
13. Lyubchenko M.Ya. Decisions of the European Court of Human Rights as "soft law" (soft law). *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of civil procedure*, 2017, no. 3, pp. 256–270. (In Russ.).
14. Lipkina N.N. Interpretation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms by the European Court of Human Rights and the Rule of Law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 4, pp. 130–142. (In Russ.).
15. Kovler A.I. Evolutionary Interpretation of the European Convention on Human Rights: Possibilities and Limits. European Court of Human Rights as a Subject of Interpretation of Law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2016, no. 3, pp. 92–100. (In Russ.).
16. Galperin M.L. Amendments to the Constitution and issues of interpretation in national and international justice. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 12, pp. 181–189. (In Russ.).
17. Sultanov A.R. 25 years in the Council of Europe and again the discussion about the binding nature of the ECHR judgments. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of civil procedure*, 2021, no. 6, pp. 154–178. (In Russ.).
18. Zhuykov V.M. Russian Legislation and International Law: Problems of Interaction Based on the Constitution of the Russian Federation. *Zakon = Law*, 2020, no. 3, pp. 115–125. (In Russ.).
19. Likhachev M.A. International and domestic law: is there a first among equals? *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian legal journal*, 2020, no. 3, pp. 30–44. (In Russ.).
20. Bonner A.T. Preface to the textbook on administrative proceedings, or a brief history of Russian administrative justice. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of civil procedure*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 201–230. (In Russ.).
21. Grechkina O.V. The development of scientific ideas should be based on the modernization of modern administrative procedural legislation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*, 2018, no. 9, pp. 7–10. (In Russ.).
22. Gromoshina N.A. On the principle of activity of the court in administrative proceedings. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of civil procedure*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 96–112. (In Russ.).
23. Grubtsova S.P. *Legal presumptions in judicial administrative procedural law*, Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2018. 30 p. (In Russ.).
24. Novikov A.V. Administrative procedural form: scientific and legal realities. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*, 2015, no. 11, pp. 70–80. (In Russ.).
25. Starilov Yu.N. Administrative legal proceedings and administrative procedures: towards systemic interaction and an appropriate level of legal regulation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*, 2018, no. 3, pp. 7–23. (In Russ.).
26. Shchepalov S.V. On the discretion of the court within the framework of the administrative procedural form. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*, 2015, no. 6, pp. 42–46. (In Russ.).
27. Terekhova L.A. Drift of administrative proceedings. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of civil procedure*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 30–50. (In Russ.).
28. Zhuykov V.M. On some problems of the principle of independence of judges. *Zakon = Law*, 2019, no. 10, pp. 122–136. (In Russ.).

29. Sultanov A.R. *Decisions of the European Court of Human Rights in the civil process of the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2022. 34 p. (In Russ.).

30. Nikitina E.E. The system of human rights and freedoms in the context of the technological revolution. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law*, 2020, no. 8, pp. 27–44. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Терехова Лидия Александровна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшей школы, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: lydia@civpro.info
SPIN-код РИНЦ: 1478-7958; AuthorID: 678373
ResearcherID: AAR-1012-2021

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Lydia A. Terekhova – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School; Head, Department of Civil and Arbitration Procedure
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: lydia@civpro.info
RSCI SPIN-code: 1478-7958; AuthorID: 678373
ResearcherID: AAR-1012-2021

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Терехова Л.А. Национальный и наднациональный механизмы защиты прав и свобод человека в современных условиях / Л.А. Терехова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 208–219. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).208-219.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Terekhova L.A. National and supranational mechanisms for the protection of human rights and freedoms in contemporary conditions. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 208–219. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).208-219. (In Russ.).